

Разказы о чудесахъ и сновидѣнiяхъ недавно прошедшаго времени.

Прежде чѣмъ приступить къ разказамъ о сновидѣнiяхъ и чудесахъ, я считаю необходимымъ познакомить читателей съ личностью и жизнью самого разказчика. Это крестьянинъ с. Алексѣевки, Хвалынскаго уѣзда, Григорій Захаровичъ Банатовъ. Будучи отъ роду раскольникомъ спасова согласiя, онъ, по смерти родителя своего, послѣдовавшей въ 1858 году, перекрестился въ 1866 году въ безпоповскую самокрещенскую секту и сдѣлался наставникомъ этой секты, въ каковой состоялъ до 1870 года, въ этомъ году онъ перешолъ въ православiе и сдѣлался ревностнымъ защитникомъ св. церкви, каковымъ пребываетъ и сейчасъ *)

Банатовъ—это человѣкъ, какъ былъ въ расколѣ, такъ и теперь въ православiи, строго-нравственныхъ правилъ жизни: трезвый, кроткiй, милостивый, страннопримный, усердный молитвенникъ и строго соблюдающiй посты. Вообще, человѣкъ нравственный и перенесшiй много волненiй и тревогъ изъ-за религiозныхъ вѣрованiй. О своемъ желанiи отыскать истинную Христову церковь съ священноначалiемъ и таинствами, онъ говоритъ такъ: „я положилъ за правило полагать на каждый день во время утренней молитвы 300 поклоновъ съ молитвою: Господи, покажи мнѣ святую свою церковь. Такъ я молился два года. Два года эти я изо дня въ день занимался и чтенiемъ книгъ, читая ихъ не торопясь, но со вниманiемъ и разсужденiемъ. И пришла мнѣ послѣ этого неотступная мысль провѣрить ученiе греко-россiйской церкви, сличить ее съ Евангелiемъ, ученiемъ апостольскимъ и святыхъ отецъ.

*) Разказъ о пребыванiи Банатова въ расколѣ и переходѣ въ православiе наполненъ многими трогательными сценами и помѣщенъ въ журналѣ „Истина“ за 1887 годъ, выпускъ 1-й (желающiй пусть прочтетъ, тамъ найдетъ онъ много интереснаго).

Сначала я испугался этой мысли. Подумалъ я себѣ: не дѣволь-ли искушаетъ меня?“ (Истина за 1887 г. стран. 213). Если только одна мысль о православіи пугала его и представлялась искушеніемъ дѣвольскимъ, то, какъ видится, борьба его была самая жесточайшая; но онъ преодолѣлъ ее и сдѣлался истиннымъ сыномъ св. православной церкви и ревностнымъ защитникомъ ея. Расскажамъ чловѣка, дышущаго благочестіемъ и отличающагося строго нравственной христіанской жизнію, повѣрить слѣдуетъ. Предлагаемые мною рассказы со словъ Григорія Банатова, весьма интересные и назидательные, заключаются въ слѣдующемъ:

1) По присоединеніи моемъ къ православію со всѣмъ семействомъ, говоритъ Банатовъ, я всегда съ прискорбіемъ вспоминалъ о своихъ родителяхъ, умершихъ въ расколѣ, такъ называемаго спасова согласія, безъ покаянія и причащенія св. таинъ. Скорбя о нихъ, я записалъ ихъ имена въ поминаніе и молился объ упокоеніи ихъ душъ, подавая просфоры на проскомидіи, поминая на эктеніяхъ и подавая посильную о нихъ милостыню. Но по нѣкоторомъ разсужденіи, я пришелъ къ тому, что по законамъ церковнымъ поминать ихъ нельзя, и, поминая ихъ, я принимаю на себя грѣхъ, молясь о противникахъ церкви, умершихъ въ расколѣ. Мѣстный священникъ о. Теофаровъ также не рѣшался поминать ихъ и приказалъ мнѣ исключить ихъ изъ поминанія; я исполнилъ его приказаніе. Но исключеніе это произвело на меня самое удручающее впечатлѣніе: какъ будто что оторвалось отъ моего сердца. И что-же случилось: однажды, сожалѣя о родителяхъ и размышляя объ ихъ несчастной участи, я въ 10 часовъ ночи легъ спать и мнѣ представилось во снѣ слѣдующее: будто я былъ въ храмѣ Божіемъ у Божественной литургіи и видѣлъ тамъ всѣхъ православныхъ прихожанъ нашего села Алексѣвки, какъ живыхъ, такъ и умершихъ, и вмѣстѣ

причащающихся св. таинъ. Я слѣдилъ, не увижу-ли я своихъ родителей? Но нѣтъ: родителей моихъ не было. Литургія кончилась. Народъ весь вышелъ изъ храма, я залился горькими слезами и отправился домой. Прихожу въ домъ и вижу: родитель мой сидитъ въ прихожей на табуреткѣ, разувшись и раздѣвшись, въ одной только старой изорванной грязной рубашкѣ; весь дрожитъ, точно на морозѣ. Я изумился этому и смотрѣлъ на него, стоя и молча. — Гриша, — сказалъ родитель, — вы счастливы, что перешли въ церковь Христову; вы будете богаты и спасены. Я, осмѣлившись, подошелъ ближе къ родителю и спросилъ его: „Неужели вы, умершіе въ расколѣ, лишены райскаго блаженства“? Родитель отвѣтилъ: „Да, Гриша, мы погибли на вѣки, не послушавъ св. Христовой церкви; прошу тебя, сынъ мой, постарайся за меня“. И родитель, началъ плакать неутѣшно, а на него глядя, и я расплакался такъ, что проснулся въ слезахъ. Проснувшись, я долго не могъ удержаться отъ слезъ, думая, что родитель просить меня молиться о немъ за упокой. Я тотчасъ-же пошелъ къ священнику о. Теофарову и рассказалъ все видѣнное. Мы оба съ священникомъ рѣшили, что сну вѣрить никакъ нельзя, ибо оныя бываютъ и отъ врага.

Между прочимъ, оставивъ опять помянуть родителей, я всегда думалъ, что помянуть нужно: когда я поминалъ ихъ, имъ была отрада, а когда вычеркнулъ ихъ изъ помянанія, имъ стало невыносимо, поэтому родитель мой и явился мнѣ во снѣ и просилъ постараться за него. Но я и священникъ рѣшили все-таки не помянуть. О, дивны дѣла твои Господи! Что случилось со мною? Однажды, чрезъ годъ послѣ этого видѣнія, поѣхалъ я въ г. Кузнецкъ по торговымъ дѣламъ и остановился въ номерахъ. Это было на масляницѣ въ четвергъ. И вотъ вечеромъ, когда уже смерклось, я прилегъ на диванъ, вдругъ у иконъ загорѣлась сама собою лампада; я, не вѣря самому себѣ, ду-

малъ, что не входили-ли сюда хозяева и не зажгли-ли лампаду. Я тотчасъ-же вскочилъ съ дивана и побѣжалъ къ хозяйевамъ узнать объ этомъ; но хозяева сказали, что не входили въ комнату и не зажигали лампы, замѣтивъ при этомъ, что они зажигаютъ лампаду только предъ великими праздниками и воскресными днями, каковую, послѣ литургіи, обыкновенно гасятъ. Меня бросило въ дрожь при мысли о случившемся. Я опять вошелъ въ номеръ. Помолившись на икону Спасителя и переложивъ подушку на другой конецъ дивана, чтобы быть лицомъ къ иконѣ, легъ на диванъ и сталъ мысленно разсуждать о расколѣ, думая себѣ: сколько душъ погибаетъ въ этомъ несчастномъ расколѣ, умирая безъ исповѣди и причащенія св. таинъ по своему невѣжеству и упрямству. Потомъ, устремивъ взоръ свой на икону и на горѣвшую предъ нею лампаду, я сталъ мысленно молиться о погибающихъ,—вдругъ раздался надо мною громкій голосъ моего родителя: „Гриша, пожалѣй мою душу“. Я встрепенулся, вскочилъ съ дивана, перекрестился три раза и съ изумленіемъ выбѣгъ изъ номера въ корридоръ; но въ корридорѣ не было никого. Долго ходилъ я разстроенный по корридору, потомъ съ великимъ страхомъ вошелъ опять въ номеръ и легъ спать, но не могъ и на минуту уснуть во всю ночь; дума за думой такъ и сновали въ моей головѣ, но приключеній еще не было. А огонь въ лампадѣ такъ и остался горѣвшимъ и во время моего отъѣзда утромъ.

Предъ отъѣздомъ моимъ этотъ номеръ занялъ Оренбургскій мѣщанинъ Федоръ Ивановичъ Маслениковъ, которому я разсказалъ о случившемся со мною и который, удивившись сему, совѣтовалъ мнѣ поминать родителей. Приѣхавъ домой, я разсказалъ все своему приходскому священнику о. Теофарову, который, по многомъ разсужденіи, приказалъ мнѣ опять записать своихъ родителей въ поминаніе, чтобы поминать ихъ, такъ какъ они крещены

въ православной церкви, но перешли въ расколъ по своему невѣдѣнію, совратившись по навѣтамъ злыхъ людей, а потому, вѣроятно, они и требуютъ отъ насъ поминанія. И что же: когда я вписалъ ихъ въ поминаніе и сталъ помянуть ихъ, родитель мой сталъ часто являться мнѣ во снѣ въ самомъ веселомъ расположеніи духа и, какъ только явится, будто всегда помогаетъ мнѣ во всякой домашней работѣ. Что я рассказалъ сущую правду, свидѣтельствую Самимъ Вседержителемъ Богомъ. Такъ закончилъ свой первый рассказъ Григорій Банатовъ.

2) „Однажды въ 1896 году, по окончаніи бесѣды съ раскольниками—австрійцами въ церкви, часовъ въ 11 ночи, я пришелъ домой и, помолившись Богу, легъ на постель. Отъ утомленія и волненія я долго не могъ уснуть, размышляя: „почему это попустилъ Богъ открыться австрійской сектѣ, поглощающей многія тысячи душъ въ погибель, и что означаетъ ихъ Богослуженіе? И что это люди богатые, какъ напримѣръ П—тъ, не могутъ уразумѣть истину св. церкви, имѣя къ тому и свободу и средства“? Размышляя объ этомъ, я заснулъ и во снѣ представилось мнѣ слѣдующее: ѣду я на парѣ бойкихъ лошадей, которыми управлялъ кучеръ, и вдругъ очутился ѣдущимъ вдоль порядка какой-то грязной деревни. Видя на концѣ деревни непроницаемую тьму,—я приказалъ кучеру ѣхать туда. Подѣхавши, увидѣлъ въ темнотѣ большой каменный трехъ-этажный домъ, окрашенный черными красками и обнесенный большимъ четырехъ-угольнымъ квадратнымъ дворомъ. Смотрю, съ улицы въ калитку вошелъ на дворъ большого роста человѣкъ, одѣтый въ суконный тулупъ съ большимъ мерлушачьимъ воротникомъ, а внизу у него изъ подъ тулупа виднѣется золотая риза; я подумалъ, что это непременно бѣглый поць. Приказавъ кучеру дожидаться, я слѣзъ съ экипажа и пошелъ за человѣкомъ, чтобы услѣдить его и поймать. Вхожу на дворъ и вижу, что человѣкъ

этотъ поднимается уже по лѣстницѣ, устроенной снаружки дома, на верхній этажъ. Я остановился, думая: идти за нимъ или нѣтъ? Около дома народу небыло. Рѣшилъ идти. Вхожу и вижу этого попа и его послѣдователей въ видѣ бѣсовъ, играющихъ на музыкѣ и пляшущихъ. Увидѣвъ меня, они — страшные, черные — высунули языки и стали дразнить меня. Я, перепугавшись, выбѣгъ изъ дома тѣмъ же путемъ. Той калитки, чрезъ которую я вошелъ на дворъ, не было. Стоя у дома, я увидѣлъ большую четырехъугольную квадратную площадь, десятины двѣ, обнесенную кругомъ торговыми лавочками. Я пошелъ вдоль лавочекъ. Вижу въ лавочкахъ по два и по три человѣка, которые воруютъ другъ у друга изъ лавокъ и тащатъ всякъ себѣ. Увидѣвъ меня, они стали высовывать языки, дразнить меня и грозиться, заказывая, чтобы я объ этомъ не сказывалъ никому. И такъ прошелъ я всѣ лавки и удивлялся такому разбойничеству и безобразію, думая: какъ бы мнѣ выйти отсюда? И вотъ, подходитъ ко мнѣ хорошій человѣкъ и спрашиваетъ меня: какъ я попалъ сюда? Я рассказалъ ему, а потомъ спросилъ: “что это такое за дворъ и за дома и что это за лавки, въ которыхъ живутъ воры и безобразники?” Человѣкъ этотъ рассказалъ мнѣ такъ: „Это, любезный, австрійскій монастырь. Домъ, гдѣ ты видѣлъ бѣшенство ихъ поповъ и прихожанъ, это ихъ церковь. А народъ, ворующій другъ у друга изъ лавокъ и дразнящійся, это австрійскіе монахи, обреченные на вѣчную погибель“. Я спросилъ: гдѣ бы мнѣ выйти отсюда? Человѣкъ этотъ сказалъ мнѣ: погоди, увидишь еще не это, и тогда я тебя выведу отсюда. Онъ повелъ меня по площади, и мы увидѣли большую толпу народа, въ кругу котораго стоялъ купецъ П—ъ, а во вкругъ него лежало множество сакъ-вожжей, и вотъ окружающіе его воруютъ у него сакъ-вожжи, а онъ, бѣдный, мечется и въ ту и въ другую сторону, но ничего сдѣлать не можетъ: воры

одолеѣли его. Вырваться изъ ихъ рукъ ему было не возможно, — онъ окруженъ народомъ и обрѣтъ кругомъ глубокой канавой. Путникъ мой сказалъ мнѣ: „Вотъ видишь, что дѣлаютъ австрійскіе монахи, какъ обираютъ П—на, поэтому ему нѣтъ свободнаго времени заняться писаніемъ и уразумѣть святую истину“. Мнѣ стало жалко П—а, что онъ не можетъ вырваться изъ рукъ австрійцевъ. Спутникъ повелъ меня дальше и мы вышли на высокой холмъ. Спутникъ, обративъ меня лицомъ на западъ, сказалъ: „смотри, что еще будетъ: и вотъ богатые купцы выѣзжаютъ со двора, кто на тройкѣ, кто на пятеркѣ, въ хорошихъ экипажахъ, и подѣзжаютъ всѣ къ маленькой часовенкѣ. Когда собрались они всѣ, изъ часовенки вышелъ ихъ поць, черный, точно обгорѣлый столбъ, съ длинными рогами на головѣ, то-же черными, какъ уголь. Всѣ они что-то сразу заѣбли; потомъ сдѣлались какъ бѣшеные, полѣзли другъ на друга, навалилась ихъ огромная куча, которая тотчасъ же провалилась сквозь землю со страшнымъ трескомъ, шумомъ, крикомъ и рыданіями. Спутникъ сказалъ мнѣ: „вотъ видишь теперь, какая участь ожидаетъ австрійцевъ. А что ты думалъ, для чего Богъ попустилъ открыться австрійской сеетѣ, — это дѣло Божіихъ судьбъ; — намъ объ этомъ узнавать и нельзя и бесполезно. Мы должны только знать, что спасительно и что погибельно; перваго держаться, а послѣднее отвергать; Божіихъ же попущеній не испытывать. Австрійцы, противляясь св. церкви, недостойные сыны ея; они ослѣпли и не хотятъ прозрѣть. Теперь иди отсюда, сказалъ спутникъ, и больше сюда не приходи, а если придешь еще, тогда вмѣстѣ съ ними погибнешь; если-бы и сейчасъ не было меня здѣсь, то ты не вышелъ-бы отсюда“. Онъ повелъ меня съ холма и указалъ калитеку въ самомъ углу двора, которою я и вышелъ, поблагодаривъ моего спутника. Въ этотъ моментъ я проснулся усталый и былъ долго, часа два, въ изможденномъ состоя-

ни. Сонъ этотъ и видѣнiе ясно свидѣтельствуяютъ, согласно съ св. писанiемъ и учениемъ св. отецъ, что австрiйская секта не есть спасительная, но гибельная“. Этими Банатовъ и закончилъ свой второй рассказъ.

3) „Одинъ мой сродникъ, началъ свой рассказъ Банатовъ,—деревни Подлѣсной, Петръ Петровичъ Кашляевъ, по вѣрѣ безпоповецъ, вѣруеть въ антихриста, яко бы онъ уже пришелъ въ мiръ и всѣ Христовы тайны истребилъ. Я, какъ сродникъ Кашляеву, всегда старался и стараюсь вразумить его, чтобы онъ бросилъ безпоповскую вѣру и перешелъ въ св. православную церковь, доказывая ему от писанiя, что, кромѣ церкви Божiей, спасенiя нѣтъ. Но Кашляевъ еще болѣе противился и противится мнѣ въ своемъ суевѣрiи,—при томъ, въ противовѣсъ мнѣ, и мать свою, а мою, родную тетку, старуху 105 лѣтъ, насильственнымъ образомъ перевелъ въ расколъ. Жалко стало мнѣ ихъ, а особенно тетку мою, и я однажды былъ въ молитвенномъ настроенiи и сокрушенiи сердечномъ объ ихъ погибели, и вотъ въ ночномъ снѣ очутился я на вершинѣ нѣкоей высокой горы и очень крутой. Эта гора оказалась скользкою какъ стекло. Смотря съ горы внизъ, я увидѣлъ подъ горою обширную пропасть, а надъ пропастью тетку мою и сына ея Петра Кашляева, держащихся за тонкую бечевку. Не смотря на скользкость горы, я пошелъ къ нимъ, дошелъ благополучно и спросилъ: „что вы сидите здѣсь на такомъ опасномъ мѣстѣ,—вѣдь бечевка оборвется и вы будете въ пропасти“. Они сказали: „все равно, намъ идти нельзя, мы укатимся въ пропасть, какъ только бросимъ держаться за бечевку“. Я сказалъ: „держитесь за меня и идите, и я выведу васъ отсюда“. Но они только заплакали, а за мной идти не согласились. Смотрю, тетка моя какъ-то оторвалась отъ бечевки и полетѣла въ пропасть. Я, испугавшись, закричалъ, что есть мочи, и проснулся. Семейные спросили меня, что это я закричалъ? Я рассказалъ имъ подробно сно-

видѣніе. И что же: мать Кашляева, а моя тетка, въ слѣдующій же день умерла въ расколѣ.

Самъ Кашляевъ и теперь еще живъ. Его зовутъ мѣстные жители „немолякой“, потому что онъ не поклоняется никакимъ иконамъ, говоря, что ихъ нѣкому освятить: священства нынѣ нѣтъ. Теперь нужно молиться только духомъ, потому что все осквернено антихристомъ, говоритъ Кашляевъ“. Этимъ и закончилъ третій свой рассказъ Банатовъ.

4. Чудеса есть и въ настоящее время, такъ началъ свой рассказъ Банатовъ. Крестьянка села Алексѣевки Анисія Антипова Иванова, живущая теперь рядомъ съ бывшимъ телячьимъ пастухомъ с. Ивантѣевки, Самар. губерніи, а теперь лжепопомъ австрійской секты, Гришенковымъ, по смерти мужа своего, стала ходить часто къ Гришенкову, который и сталъ уговаривать ее перейти въ австрійскую вѣру. Иванова смутилась было и стала думать: не правду ли говорить Гришенковъ? Не лучше ли, на самомъ дѣлѣ, австрійская вѣра православной? Гришенковъ постоянно внушалъ ей, что де православная церковь, современъ патр. Никона, заражена многими ересями и спасеніе только и можетъ быть въ ихъ австрійской вѣрѣ, и Иванова была уже склонна къ переходу въ расколъ. Но Богъ внушилъ ей другую мысль; внушилъ чтобы она не торопилась переходомъ, а сначала помолилась бы прилежнѣе Господу Богу, и тогда уже рѣшала вопросъ о своей участи. И вотъ, однажды, съ возмущенною душею пришла она въ храмъ Божій и, ставши въ самомъ углу церкви, молилась усердно, какъ бы въ послѣдній разъ разставаясь съ великолѣпіемъ св. храма. Вдругъ свѣтъ небесный осіялъ всю церковь, Иванова изумилась и стояла въ великомъ страхѣ и трепегѣ, наблюдая, что будетъ дальше. Когда священникъ, о. Теофаровъ, молясь усердно, сталъ призывать Духа Святаго на освященіе да-

ровъ, она вдругъ увидѣла бѣлаго, сребровиднаго, не изреченной красоты, голубя, летѣвшаго чрезъ царскія врата въ алтарь прямо надъ головой священника и сѣвшаго на святой потирь. Видя это не обычайное чудо, Иванова упала на колѣни и зарыдала такъ, что всѣ присутствующіи обратили на нее вниманіе, ожидая, что съ нею будетъ. По окончаніи литургіи священникъ подозвалъ ее къ себѣ и спросилъ, что съ нею? Она съ горькими слезами рассказала о своемъ увлеченіи расколомъ и о только что видѣнномъ ею въ церкви. Свидѣтелями разсказа вдовы Ивановой были мѣстные священникъ, діаконъ и псаломщикъ, я и весь Алексѣевскій приходъ. Вдова Иванова, закончилъ Банатовъ, съ тѣхъ поръ сдѣлалась очень религіозною прихожанкою, прекратила всякія сношенія съ Гришенковымъ и не пропускаетъ ни одной церковной службы, даже и въ будніе дни.

5. „Вотъ еще чудо, сказалъ Банатовъ: Крестьянинъ д. Мѣровки, нашего Алексѣевскаго прихода, Александръ Луцковъ, уклонившись въ расколъ, совершенно ослѣпъ. Долго былъ слѣпымъ, о совѣсть его всегда подсказывала ему, что онъ наказанъ Богомъ слѣпотою за уклоненіе его въ расколъ. Въ 1893 году онъ, образумившись, пришелъ къ священнику о. Теофарову и сталъ просить благословенія идти въ с. Софьино, Саратовской губ., для поклоненія чудотворной иконѣ святителя Николая. Священникъ долго отказывался преподать ему благословеніе, какъ раскольнику и хулителю св. церкви; но Луцковъ увѣрялъ, что онъ, хотя и раскольникъ, идетъ съ вѣрою и надѣется получить исцѣленіе отъ иконы св. Николая. И дивное дѣло!—Получивъ благословеніе, Луцковъ отправился въ путь съ двоими возжатаями и прибылъ въ с. Софьино совершенно слѣпымъ. Отслуживъ молебень св. Николаю чудотворцу предъ его чудотворною иконою, Луцковъ облился водою изъ цѣлебнаго источника и тотчасъ-же про-

зрѣлъ. Радости его не было конца. Онъ возвратился въ свою деревню Мѣровку совершенно въ зрячьемъ и уже безъ вожатаевъ и удивилъ всѣхъ односельцевъ своихъ, раскольниковъ и православныхъ. Глаза его сдѣлались какъ-бы никогда неболѣвшими. Луцковъ явился къ своему приходскому священнику о. Теофарову, отслужилъ молебень о святителю Николаю чудотворцу, поблагодарилъ священника и съ тѣхъ поръ сдѣлался истиннымъ сыномъ св. Православной церкви, каковымъ состоитъ и сейчасъ. Луцковъ человекъ еще физически твердый и послѣ чудотворнаго исцѣленія обладаетъ зрѣніемъ прекраснымъ“

„Много чудесъ въ Православной церкви, но раскольники не видятъ ихъ: ослѣпилъ Богъ ихъ душевныя очи, за не не недостойни суть наименованія сынами св. церкви“

Этимъ и закончилъ свои рассказы Г. З. Банатовъ.

Разказы эти не признавъ справедливыми никакъ нельзя: Банатовъ человекъ весьма справедливый, добродѣтельный и религіозный; говорить неправду ему нѣтъ никакого резона. Притомъ, о послѣднихъ двухъ (чудесныхъ) событіяхъ, я наводилъ справки у приходскаго священника о. Теофарова, который подтвердилъ достовѣрность этихъ чудесныхъ событий. Не правду говорятъ старообрядцы, что церковь Православная лишилась благодати св. Духа. Если бы лишилась благодати, то не было бы въ ней никакихъ чудесъ и провидѣній, какъ нѣтъ ихъ у старообрядцевъ. Но коль скоро они въ ней есть, то значить, благодать св. Духа въ ней была, есть и будетъ всегда.

Священникъ П. Шалкинскій.

Думы сельскаго пастыря.

III.

Скажу нѣсколько словъ и о начальной инородческой чувашской школѣ.